

Съёмки фильма «Мимолётность» в Хоуцзюй наконец завершились. У всех участников процесса осталось глубокое чувство нежелания покидать этот прекрасный городок.

Старшая, Цзи Чжипин, сказала: Когда я состарюсь, обязательно куплю здесь дом и обоснуюсь навсегда.

Младшая, Цзи Чжиань, поддержала сестру, добавив, что тогда тоже переедет сюда, чтобы составить ей компанию в старости.

Чжан Юньлун погладил девушек по головам и рассмеялся: Я сам ещё не думал, как буду встречать старость, а вы, девчонки, уже заглядываете так далеко.

Лянь Лин же и вовсе решила остаться здесь насовсем. Она заявила: Здесь так живописно, что за несколько дней пребывания у меня возник такой прилив творческого вдохновения — непременно нужно выплеснуть его на бумагу, прежде чем уезжать.

Лянь не стал высказывать своё мнение. Он сидел на обочине дороги и издалека смотрел на прекрасную бамбуковую рощу. Вэй Цин наблюдал за ним, понимая, что на душе у того беспокойно, и не стал ему мешать.

Съёмочная группа «Мимолётности» с самого начала объявила, что не принимает никаких посетителей, а во время съёмок отказывается от интервью. В этих глубоких горах они, конечно, жили в отрыве от мира, но как только вернутся в город...

Личность Ляня уже раскрыта, и папарацци наверняка уже точат свои когти. Хотя сам Лянь говорил, что его это не волнует, но можно ли вот так просто взять и порвать кровные узы?

— Вы уезжаете?

Вэй Цин повернул голову и посмотрел на того, кто это сказал.

— Господин Гу.

Увидев фирменную улыбку Вэй Цина, Гу Цичжэ лишь фыркнул, подумав про себя: Лицемер.

— С ним всё в порядке?

— С кем?

Гу Цичжэ сердито зыркнул на него и кивнул в сторону Ляня.

Вэй Цин на мгновение опешил, а затем понял, что тот беспокоится о Ляне, и не смог сдержать улыбки: Кажется, не очень. Почему бы тебе самому не спросить?

Гу Цичжэ, поняв, что его намерения раскрыты, тут же покраснел, но выпалил: Я вовсе не о нём беспокоюсь! — хотя ноги сами собой понесли его в ту сторону.

— Эй.

Лянь недоумённо поднял голову.

Гу Цичжэ, увидев, что на него смотрят, смутился ещё сильнее. Он долго что-то бормотал, прежде чем выдавить: На самом деле, у каждого бывают моменты растерянности.

— А?

— Подумаешь, снимался в гей-порно, это ведь не конец света.

— ??

— В общем, прошлое осталось в прошлом, не принимай близко к сердцу. Всё, я сказал. — Гу Цичжэ сделал пару шагов, но вдруг обернулся и добавил: Я мастер своего дела, я обязательно докажу вам это! — Сказав это, он словно сбросил с плеч тяжелый груз, снова вскинул голову и, чеканя шаг, направился обратно к отелю.

Лянь ошеломлённо смотрел вслед его удаляющейся фигуре, а затем обернулся к Вэй Цину, который, прижимая руку к животу, смеялся так, что не мог вздохнуть.

— Что это с ним было?

— На самом деле, он хотел тебя утешить. — Вэй Цин с трудом перестал смеяться.

— Утешить? Почему?

Вэй Цин долго смотрел Ляню в лицо, а потом с довольным видом заявил: Даже если не знаешь — неважно, я тебе не скажу.

Лянь от его слов лишь покрылся чёрными полосами, но в этот момент Чжан Юньлун позвал всех по машинам, и раздумывать стало некогда.

Когда они вернулись в долгожданный город, уже стемнело. Съёмки последней сцены начинались завтра. У ворот компании все вышли из машин, разобрали багаж и, попрощавшись,

разъехались по домам.

Линь Юй уже ждал их у входа. Вэй Цин, придерживая сонного Ляня, сел в машину.

Едва они тронулись, Линь Юй заворчал: Хорошо ещё, что режиссёр Чжан подготовил для вас эту квартиру.

— Что случилось?

— Я пару дней назад специально заезжал к вам проверить: у подъезда вовсю дежурят папарацци.

Лянь, который минуту назад без сил привалился к сиденью, внезапно выпрямился, чем напугал Вэй Цина. Тот поспешно спросил: Что такое?

— Ничего. — Лянь, говоря это, начал рыться в багаже. — Мне нужно сделать звонок.

Лянь быстро набрал номер. Не успел он и слова сказать, как из трубки послышался ленивый, слегка хриплый и пропитанный глухим раздражением голос: Надеюсь, у тебя есть что-то важное, чтобы меня беспокоить.

— ... — Лянь посмотрел в окно на ночной город. Он знал, что снова помешал тому в делах. — Я слышал, в последнее время у моего дома дежурят папарацци. Тебе они не мешают?

На том конце воцарилась пауза, а затем послышался шорох одежды: Пусть снимают, если им так хочется.

— Если тебя это не беспокоит, то хорошо.

— Угу. Когда возвращаешься?

— Дня через три-пять.

— Понятно.

— Как там Баобао?

— Не переживай, не сдохнет.

— ...

Лянь положил трубку и заметил, что Вэй Цин внимательно наблюдает за ним. Он машинально коснулся своего лица.

— Что такое? У меня что-то на лице?

— Твой... — Вэй Цин на секунду задумался и выбрал самое невинное слово: ...сожитель?

— Можно сказать и так. Это мой домовладелец.

— ...

— Я тебе не говорил, что снимаю квартиру напололам?

— ...Нет.

Лянь взъерошил волосы: Если коротко, я живу в элитной квартире, которую арендует мой друг, и плачу ему часть ренты.

— А почему не снял себе отдельное жильё?

— Денег нет. — улыбнулся Лянь.

Вэй Цин хотел было сказать: Переезжай ко мне, — но почувствовал, что получит отказ, поэтому открыл рот, но в итоге ничего не сказал.

Линь Юй помог им поднять вещи наверх. Прощаясь, он похлопал Вэй Цина по плечу и многозначительно произнёс: Дорога впереди долгая... — после чего с ехидной ухмылкой эффектно удалился.

Местом для съёмки финальной сцены стала крыша офисного здания газеты.

Чжоу Пинь, закутавшись в одеяло, сидел на краю парапета, обхватив обеими руками чашку с дымящимся молоком. Мин Ань обнимал его со спины, глядя на ночной город под их ногами.

Чжоу Пинь указал вниз: Я здесь родился, здесь вырос, здесь встретил тебя и здесь полюбил.

Мин Ань сказал: Я не знаю, где наше завтра, но, по крайней мере, сейчас мы вместе.

Чжоу Пинь ответил: Мне не нужны обещания, потому что я знаю: мы любим друг друга, и ничто другое не имеет значения.

Мин Ань прошептал: Я не буду давать обещаний, я лишь хочу, чтобы в конце моего пути ты был рядом, чтобы мы вместе встретили старость в этом городе.

Романтизм Чжоу Пиня пошёл на компромисс с реализмом Мин Аня — всё ради любви, ради веры. Любовь — самая хрупкая вещь на свете. Она не держится на кровных узах, как родство, и требует больше отдачи, чем дружба, но в то же время любовь — это самая твёрдая вера в мире.

Вэй Цин крепко обнимал Ляня. Он внезапно подумал: кто будет рядом с ним в последние минуты его жизни, и кого он сам хотел бы видеть рядом?

Тепло в его объятиях было таким уютным. Он не хотел отпускать, не хотел заканчивать, хотел, чтобы это длилось вечно... Доколе? До самой вечности.

— Господин Вэй Цин?

Съёмки закончились, но Вэй Цин всё не выпускал его из объятий. Лянь был слегка озадачен.

— Позволь мне ещё немного так постоять.

Грустили не только они.

— Ужас, я сейчас заплачу. — Цзи Чжиань потёрла глаза, но из профессиональных соображений побоялась делать это сильно, опасаясь размазать макияж.

— Вот и всё... — разочарованно пробормотала Цзи Чжипин.

— Нет ничего вечного, — утешил их Чжан Юньлун. На самом деле, каждый раз, когда группа распадалась, ему самому было грустнее всех. — Ладно, давайте сегодня отпразднуем! Я угощаю всех хого!

— Ура! — Радостные крики тут же развеяли грустную атмосферу.

Вэй Цин наконец отпустил Ляня. Он смотрел на его профиль, мерцающий в огнях, но не мог вымолвить ни слова.

В ресторане царил хаос: одни плакали, другие смеялись, кто-то соревновался в выпивке, кто-то болтал. Казалось, еда интересовала меньше всего. Многие члены съёмочной группы пытались воспользоваться случаем, чтобы пообщаться со звёздами и взять автографы. Вэй Цина окружили двое гримёров, предлагая выпить. Когда он с трудом вырвался, то обнаружил, что Ляня нигде нет. Он схватил Цзи Чжипин, которая сохраняла трезвость из-за непереносимости алкоголя:

— Ты не видела Ляня?

— Господин Лянь, кажется, сказал, что у него дела, и ушёл пораньше.

Сердце Вэй Цина пронзило беспричинное беспокойство. Он вырвал ключи от машины у Линь Юя и выбежал наружу. Когда он доехал до их дома, на парковке, как он и ожидал, уже не было ярко-синего Lotus Elise.

Он открыл дверь квартиры: внутри было темно и пусто. Он включил свет. В квартире царил идеальный порядок. На кухне остались вчерашние продукты, на столе лежали фрукты, купленные ими позавчера в супермаркете. Посуда всё ещё была рассчитана на двоих, но в ванной осталась только одна зубная щётка в стакане, одиноко стоявшая перед зеркалом. Все вещи Ляня исчезли.

На столе лежала записка:

Господин Вэй Цин:

Из-за срочных дел я уехал раньше. Съёмки завершены, я забрал все свои вещи. Прошу прощения, что не смог попрощаться лично. Надеюсь на Ваше понимание.

Лянь.

Но что толку? Человека уже не было. Вэй Цин вздохнул, собрал свои вещи и покинул квартиру, которая в одночасье утратила жизнь. Всё, что они купили для этого дома, так и осталось стоять на своих местах.

<http://bllate.org/book/21142/2144126>